

Христос умирят бурю
Собор Святого Марка, Венеция
© Foto Scala, Firenze

***« У вас нет недостатка
ни в каком
благодатном даре»***

(святой Павел)

**День начала года для взрослых и студентов
из «Общения и освобождения»
Видеотрансляция, 25 сентября 2021 г.**

«У вас нет недостатка ни в каком благодатном даре»

(святой Павел)

**День начала года для взрослых и студентов
из «Общениа и освобождения»**

Видеотрансляция, 25 сентября 2021 г.

Хулиан Каррон

Никто и вообразить не мог, что нам придется свидетельствовать о благодати харизмы посреди бури. И как ученики в лодке, мы тоже изумляемся тому, что, чем буря сильнее, тем отчетливее проявляется, вопреки всей нашей ограниченности, беспримерная исключительность Христа, привязанность к Нему, которую событие харизмы, дарованной отцу Джуссани, влило в нашу кровь.

Сознавая разницу потенциалов между нашим ничтожеством и Его милостью, попросим у Духа Святого расширить трещину в нашем сердце, чтобы свет Его присутствия беспрепятственно проник в нас.

Гимн Святому Духу

Добро пожаловать всем, кто присутствует в зале и подключился к трансляции. Как научил нас опыт последних двух лет, ничто не в силах помешать, чтобы даже таким образом произошло то, чего ждет наше сердце. Важны в первую очередь не инструменты, не средства, которые мы используем. В присутствии или по видеосвязи каждый мог заметить, какой была его реакция, когда мы слушали слова первой песни. Кто ощутил как свою «ностальгию по тому, кто отсутствует»¹? Каждый, там, где он сейчас находится, мог ощутить, как в нем всколыхнулась (или не всколыхнулась) вся тоска, из которой соткано человеческое сердце. Но, я бы сказал, как ни парадоксально, даже неважно, если вдруг мы не почувствовали тоску, ведь порой даже это не в наших руках – настолько мы ничтожны. Важно, чтобы мы хотя бы на мгновение испытали боль, видя, что человек, написавший первую песню, ощущал тоску гораздо глубже, чем мы, встретившие Того, Кто отвечает на ожидание сердца. Как бы мне хотелось, чтобы все фибры моего существа приходили в трепет, как это было с автором песни! Но не будем терять время, укоряя самих себя, если вдруг мы не были сознательны, потому что ситуацию легко исправить. Как? Возможно, мы уже сделали это, пока пели вторую песню: нужно просить Того, Кто позволил нам встретиться с благодатью харизмы, о том, чтобы событие вновь произошло. «Я уже

¹ *Minha luz*. Португальское фадю. Текст и музыка Х. Мариано и А. Косты.

стар, [я стар, мое сердце больше не трепещет, как когда все было свежим, новым] <...> / но, если Тебе будет угодно, Ты спасешь меня»².

1. Благодать харизмы

В том, что мы слышали и пережили до сих пор, в начальных тактах отражается весь драматизм настоящего исторического момента, вызова, стоящего перед нами и нашими современниками. Мы подступаем к этому обстоятельству, к этому историческому затруднению с огромным ресурсом: благодатью, которая нас охватила и для которой, несмотря на всю нашу слабость, рассеянность, предательство в нас по-прежнему есть место. Ничто не смогло окончательно вырвать из нашего существа благодать, покорившую нас и приведшую нас сюда.

Хочу, однако, сказать (и так мы подойдем к первому пункту), что нет ничего менее самоочевидного, чем наше присутствие здесь сегодня. Более того, это самый внушительный факт, представляющий нашему вниманию и, как никакой другой, наполняющий нас изумлением и благодарностью, побуждая к еще большему углублению сознания.

Я лучше это понял благодаря вопросу, с которого Чарльз Тэйлор начал свое выступление на видеовыставке «Жить без страха в эпоху неуверенности». Услышав его, я уже не мог выбросить его из головы: «Как мне удалось избежать участи большинства жителей Квебека, в определенный момент весьма ожесточившихся в отношении Церкви? Внезапно в шестидесятые годы многие люди взбунтовались и отделились. Почему я не примкнул к этому движению?» Вопрос Тэйлора постоянно поднимался во мне в течение лета, и мне становилось все яснее: нет ничего менее самоочевидного, чем тот факт, что мы остались в Церкви.

Как вышло, что мы не повторили судьбу многих наших современников, покинувших Церковь? В головокружительно расширяющейся пустыне, на фоне характерной для европейского, западного контекста (и не только) непрерывной утечки людей, прилепляющихся ко Христу и вере, что позволило нам остаться в Церкви, какова причина нашего присутствия здесь сегодня? Почему эта волна не захлестнула и нас? Я смотрел в лицо вопросу Тэйлора, и во мне рождался порыв бесконечной благодарности. Чем больше я с ним считался, тем сильнее меня охватывал благодарный трепет, так что мне не удавалось сдерживать взволнованность, и в голове возникла фраза, с которой святой Павел обратился к своим друзьям из общины в Коринфе: «У вас нет недостатка ни в каком благодатном даре»³. Именно этот опыт подсказал название Дня начала года.

Для меня нет ничего очевиднее: если мы здесь, если мы не обитаем в пустыне, то это в силу полученной благодати, благодати харизмы, дарованной Духом Святым отцу Джуссани ради всей Церкви, в силу того способа, который Христос избрал, чтобы привлечь нас к Себе, установить с нами убедительные отношения. На постоянство, на повторение этой благодати в нашей жизни опирается присутствие каждого из нас здесь сегодня. А иначе где бы мы были?

«У вас нет недостатка ни в каком благодатном даре». В членах коринфской общины святой Павел видел действие благодати, в которую они облеклись, и даже все их зло, все их недостатки и ошибки не могли ее затмить. Во взгляде Павла господствовала благодать Его присутствия, и она воспользовалась именно им, его свидетельством и его учительством, чтобы достичь их. Я не мог не связать эту мысль, охватывавшую меня все больше, со взглядом отца Джуссани: «По мере того, как мы взрослеем, мы становимся наглядным примером для себя и, если есть на то Божья воля, для других. Примером ограниченности и предательства, а потому и смирения, но в то же время и бесконечной уверенности в силе благодати, которая дается нам снова и снова каждое утро.

² C. Chieffo. *Ballata dell'uomo vecchio // Canti*. Milano: Società Coop. Ed. Nuovo Mondo, 2014. P. 218.

³ 1 Кор. 1:7. Пер. А. Десницкого.

Отсюда присущая нам простодушная дерзость»⁴. Как же много в нашей жизни предательства, а потому как же много и смирения! Но ничто, ничто не ставит под вопрос бесконечную уверенность в благодати, которая дается нам снова и снова каждое утро. Эта мысль наполнила меня молчанием!

Что вселяет в нас благодарность за благодать харизмы? Почему она столь радикальным образом пробила в нас брешь? Потому, что она ответила на нашу жажду полноты и судьбы, показав неразрывную связь веры с жизнью, ее способность менять жизнь, вести ее к свершению. Только «это показывает ее разумность, а значит, делает неотъемлемым и возможным убеждение, силу свободы, делает реальными любовь и великодушные, и все это ведет к созидательности»⁵.

В эти годы я часто повторял одну фразу Джуссани, подчеркивающую неотложную потребность, не отвечая на которую вера не может выстоять в том мире, где мы призваны жить. «Благодаря воспитанию, полученному в семье и семинарии, и последующим моим размышлениям, я глубоко убедился в том, что вера, которая не может быть обнаружена и обретена в опыте настоящего и подтверждена им, которая не приносит пользы в ответе на насущные потребности, – такая вера не в силах устоять в мире, где все – *все* – противоречило и противоречит ей»⁶. Если вера не проявляется в опыте, не имеет к нему отношение, не проникает в него до конца, не отвечает на потребности, не укрепляет человечность, не «захватывает» нас, она не в состоянии привлечь человека, и не только сегодня, но и в любую эпоху: может показаться, что в прошлом все было иначе, но только из-за культурной, общественной и политической роли Церкви.

«Поэтому нами в первую очередь двигало, – утверждает Джуссани, – желание, чтобы вера была неотрывна от жизни, чтобы она была разумной, свободной и созидательной». «Нас отличало сознание о том, что вера есть возведение факта в настоящем, события здесь и сейчас, обладающего осязаемым обликом, приметами, в рамках которых она существует и которые называются христианской общиной»⁷. Если бы христианство не было событием жизни, если бы Христос не присутствовал сейчас в человеческих приметах, если бы с Ним нельзя было встретиться – не метафорически, а реально, в Его мистическом Телe, в святой Церкви Божией, в ее конкретных и определенных проявлениях, установленных Духом Святым, вера не могла бы ответить на потребности жизни, не дала бы место опыту полноты, и мы оказались бы во власти всего, что нас окружает.

Мы здесь, потому что во встрече – конкретной, исторической, телесной – нас достигла благодать харизмы, данной отцу Джуссани; в ней убедительным и воодушевляющим, действенным с воспитательной точки зрения образом стала для нас очевидной тайна христианской реальности, христианского события, его соответствие структурным устремлениям нашей человечности. «Харизма – это метод, с помощью которого Дух, сила Духа позволяет заметить очевидное, то есть истину веры и ее умение преображать»⁸. Харизма порождает близость и «эта близость зовется „общением“. Реальность, образуемая этим живым общением, зовется „движением“». Поэтому, замечает Джуссани, «то или иное движение не фрагмент Церкви»: «движение – способ жить Церковью, проживать христианский факт в его полноте»⁹. Действительно, полученный дар сделал плодотворными для жизни Церкви и мира и прежде всего для каждого из нас дары, которые Бог предусмотрел для нашего спасения: Священное Писание, Крещение и другие Таинства, Евхаристию, авторитет епископов и папы. Поэтому, подчеркивает Джуссани, «всякая харизма повсюду возрождает Церковь, повсюду

⁴ Ср. Джуссани Л., Альберто С., Прадес Х. *Прочертить след в истории мира*. М., 2019. С. 161.

⁵ L. Giussani. *L'io rinasce in un incontro (1986-1987)*. Milano: Bur, 2010. P. 309.

⁶ Ср. Л. Джуссани. *Рискованное дело воспитания*. М.: Христианская Россия, 1997. С. 24–25.

⁷ L. Giussani. *L'io rinasce in un incontro (1986-1987)*. P. 310.

⁸ *Ibidem*. P. 312–313.

⁹ *Ibidem*. P. 313.

возрождает институты, повинуюсь, в конечном счете, тому, что служит ручательством самой этой харизме: благодати, Таинству, учительству»¹⁰.

На прошедшей недавно встрече со студентами, после просмотра выставки «Жить без страха в эпоху неуверенности», посвященной секуляризации, один из них выступил и сказал: «Когда мы во время прогулки в молчании поднимались в гору, меня растрогала мысль о том, что, если бы я не встретил Движение, я не остался бы христианином, если бы я не встретил харизму, я утратил бы интерес и, вероятно, отдалился бы от Церкви, хотя меня и воспитали католиком. Я привязался к людям, с которыми познакомился в Движении, поскольку с ними пережил опыт притягательности, опыт полноты, удовлетворения, и мне хотелось, чтобы он мог длиться всегда. И еще я думал: только в таком случае христианское предложение – предложение, уважающее и превозносящее мой разум, мою привязанность и превыше всего, как говорилось на выставке, – мою свободу. Только это выдерживает перед вызовами жизни, перед затруднениями, проблемами, это то единственное, что позволяет мне поднимать голову, когда я падаю, то есть замечать в настоящем нечто притягательное (как когда я слушал тебя или преподавателей вчера после обеда или когда смотрел видеовыставку). Все остальное (правила, то, что нужно знать или делать) отходит на второй план. Отступая в сторону, я замечаю в себе усталость, задыхаюсь, и жизнь сразу же обесцвечивается – долго ждать не надо. Когда же я живу так, жизнь вновь начинается и становится воодушевляющей».

Теперь понятно, почему Джуссани в 1987 году говорил студентам следующее: «Для нас пребывание в „Обществе и освобождении“ стало необходимым для того, чтобы жить в Церкви (если, конечно, Отец Предвечный не пожелает иначе!). Это стало необходимым, потому что именно таким образом ты был призван воспринимать веру как жизнь»¹¹.

Через благодать харизмы, притягательность, покорившую нас во встрече, мы ощутили присутствие Христа как полное смысла и обещания, как ответ на глубокие, основополагающие запросы сердца. Никогда мы не испытывали подобное соответствие нашим самым истинным желаниям, такое определяющее объятие в отношении нашей нуждающейся человечности, избавившее наши потребности от редуций, которым мы неизбежно их подвергаем (по собственной воле и по воле окружающей нас среды), и выявившее их первоначальный облик. В опыте соответствия, свойственном встрече, мы увидели, как проступает подлинный облик нашего сердца, как пробуждается наше желание, углубляется привязанность к человечности, становится острее восприимчивость к ранам – нашим и других людей. Постепенно, по мере укрепления нашей привязанности к покорившему нас событию, мы стали смотреть на беспокойство и тяготы наших братьев-людей тем же взглядом, с той же нежностью, какие мы испытали по отношению к себе во встрече.

2. Удивление перед взглядом. Историческое значение харизмы

Это подтвердилось на Митинге в Римини. Для тех, кто участвовал в нем непосредственно или подключаясь к видеотрансляциям, он стал потрясающим окном, через которое можно смотреть на наше время. Митинг позволил нам и дальше видеть то, что уже обнаружил вызов пандемии: повсеместное распространение экзистенциальной пустоты (мы назвали ее нигилизмом) и многочисленные личные и общественные ситуации затруднений, растерянности, страданий.

Один друг пишет мне: «На Митинге и особенно на выставках про сериалы и секуляризацию, стал отчетливо слышен крик нуждающейся человечности. Крик, принимающий самые разные формы». Тот же крик звучал и на других выставках. Например, мне приходит в голову выставка под названием «Я, Пьер Паоло Пазоли-

¹⁰ Ср. Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить след в истории мира*. С. 134.

¹¹ L. Giussani. *L'io rinasce in un incontro (1986–1987)*. P. 389.

ни»: «Чего-то всегда недостает, есть пустота / в любой моей догадке»¹². Или та, что рассказывала про женщин Роуз, «Ты ценность», где все героини повторяли один вопрос: «Кто я?» Я думаю о крике, заключенном в песне Леди Гага: «Ответь, девочка, / ты счастлива в этом современном мире / или тебе нужно нечто большее? / Не ищешь ли что-то еще?»¹³

Одним словом, мы видели, как вновь всплыли, вышли наружу наиболее глубокие и неудобные человеческие вопросы. Каждый мог по собственной реакции проверить, с каких позиций переживал их. В начале девяностых годов Джуссани говорил, что «сегодня человека отличает сомнение в бытии, боязнь существования, хрупкость жизни, собственная несостоятельность, панический страх перед невозможным, ужас несоизмерности между собой и идеалом»¹⁴.

Многие среди нас отчетливо слышат этот человеческий крик. Одна женщина пишет мне: «Сейчас для мира особенный момент, если судить по тому, что я вижу. Мне кажется, я встречаю лишь раненых людей». Но раны – скажу сразу – являются прежде всего нашими, и каждый может признать это, если еще не превратился в камень. Поэтому, чем больше мы, благодаря переживаемому опыту, сознаем наши раны, тем мы способнее ощущать как близкие нам раны, которые мы замечаем в других. И одновременно раны других людей позволяют нам с большей сознательностью обнаруживать наши собственные.

Глядя таким образом на раны – наши и других людей, мы с удивлением понимаем, что это взгляд отца Джуссани: «Сегодня мир вернулся к евангельской нищете. Во времена Иисуса главный вопрос заключался в том, как жить, а не кто прав»¹⁵.

Для нас была и остается решающей встреча с живой реальностью, где на нашу человечность посмотрели в ее полноте, пробудив в нас предчувствие истины, силу притягательности и надежды, и мы видим, как то же самое происходит с людьми, которых мы встречаем и которые не скрывают крик своей человечности. Автор процитированного письма начала словами: «Мне кажется, я встречаю лишь раненых людей», – а потом добавила: «Едва почувствовав, что их рану поняли и полюбили, они уже больше не отходят». Их притягивает удивление перед взглядом, под которым они чувствуют свои раны обнятыми.

То же самое продолжает происходить с нами, как становится ясно из письма одной женщины кураторам выставки о сериалах: «После посещения выставки „Обжигающий вопрос. Встречи и открытия в мире телесериалов“ я благодарна, что посетила ее. Я слушала вымышленные истории, посвященные молодежи или разворачивающиеся в будущем, и думала о моей жизни, о моих ранах, о том, какая же я хрупкая. Я поняла, что хочу смотреть на все это и начать с кем-то об этом говорить. Я спросила себя, откуда у меня такое желание, и ответила: я хочу пройти через это, чтобы достичь света, который увидела на выставке. Свет, который я увидела, – самое прекрасное, самое удивительное, что было на выставке. Где этот свет и что он из себя представляет? Это свет, который я вижу в конце темного тоннеля, тоннеля страданий и боли персонажей. Он в словах кураторов выставки и экскурсовода, рассказавшего о ней. Он и в самих кураторах, ожидающих нас и выслушивающих наши вопросы и размышления. В конце выставки я спросила себя, почему кураторы создали такую выставку, где я могу говорить обо мне. У меня нет ответа. Я подумала о трудном периоде, который подвел меня ко взрослой жизни. В последние годы университета я начала часто посещать психолога, но мне становилось все хуже. Я еще раз вспоминаю выставку и спрашиваю себя: в чем разница между только что пережитым опытом и тем, который я переживаю, встречаясь с психологом? И еще возникает вопрос,

¹² P. P. Pasolini. VI. L'alba meridionale // *Poesia in forma di rosa (1961–1964)*. Цит. по: *Bestemmia. Tutte le poesie*. Vol. II. Milano: Garzanti, 1995. P. 801.

¹³ Lady Gaga, Bradley Cooper. *Shallow*. Album *A Star Is Born*, 2018 © Interscope Records.

¹⁴ *Corresponsabilità // Litterae Communionis – CL*. N.11. 1991. P. 33.

¹⁵ *Ivi*.

волнующий меня больше всего: „Почему эти люди хотят встретиться со мной, со мной настоящей?“ Тут меня охватывают и другие вопросы: „Почему я вижу глаза экскурсовода и кураторов, которые смотрят в мои глаза, и чувствую себя живой, любимой, хотя и сознаю все мои многочисленные раны? Почему после выставки мне хочется жить, существовать, быть счастливой и я замечаю, что мои раны не уничтожают меня, когда я говорю о себе? Почему у кураторов хватает смелости слушать рассказы о моей жизни, о моих ранах, о моих вопросах? Кто они? Как у них получается быть такими, откуда у них способность слушать меня, принимать меня?“ Я вижу величие их души, желаю узнать их, следовать за ними. Величие их души то же, что я замечаю в народе Митинга, в волонтерах, в тех, кто устроил Митинг, выставки, встречи, в друзьях, присутствующих здесь. Я смотрю на все это и думаю о моих родителях, о многих родителях, которые в семидесятые годы были охвачены работой и не знаю чем еще. И вспоминаю о моем детском желании, о потребности рассказать о себе кому-то, кто увидел бы меня и полюбил, вспоминаю о боли от того, что сделать это не удавалось. Думаю, мои родители тогда не в состоянии были выслушать меня, а может, я не смогла объяснить им саму себя, поскольку совершала ошибки. Однако в конце выставки, пока я говорила с куратором, со мной случилось нечто новое: родилось желание не позволить моим ошибкам определять меня, не осуждать моих родителей, а простить их и простить себя, потому что кураторы выставки и народ Митинга, который я вижу, в каком-то смысле мне ближе моих близких. Я чувствую, что во мне по-прежнему происходит то, что, слава Богу, много раз происходило в моей жизни, во встрече с Христом, присутствующим в Его свидетелях: я чувствую, что больше не одинока в мире».

Рассказы о подобных фактах можно умножать до бесконечности. Об этом говорит удивление Илари (ее свидетельство опубликовано в журнале «Трачче»): в конце онлайн-лекции один ученик спрашивает, может ли задать ей личный вопрос; на вопрос, почему он решил обратиться именно к ней, она услышала следующее: «Потому что немного найдется людей, у которых можно такое спрашивать»¹⁶. Или взволнованное изумление мамы мальчика с аутизмом: она видит, как месяц за месяцем его безразличие и страх рассеиваются, ослабевают под взглядом педагога из Движения, которая с помощью постоянных маленьких подсказок вовлекает его в отношении с одноклассниками, так что он ждет не дождется, когда вернется в школу. Показателен случай, произошедший между одним преподавателем и «главой» группы ребят выпускающих газету ультрапрогрессистского толка, открытую любым формам свободы. Она втайне, ничего не говоря остальным, почти со стыдом разыскала его и сказала: «Все думают одинаково, а мне нужен кто-то, кто скажет что-то иное». Поражает и настойчивость, с которой ребята приглашали свою преподавательницу провести с ними день в горах. Она рассказывает, как увиливала, пыталась сопротивляться, но они не отступали и продолжали до тех пор, пока она не сдалась. По дороге к ним она спрашивала себя: «Почему эти ребята хотят именно меня, почему они хотят, чтобы я была там?»

Что мы видим в этих фактах? Веру, оживленную харизмой, с ее способностью влиять на историю тех, кто ощущает свои раны, свои потребности, свои вопросы и не перестает искать – скрыто или явно – взгляд, который в состоянии обнимать их нуждающуюся человечность. Именно осознание ран «ставит на путь встречи»¹⁷ и позволяет понять его значение. В описанном опыте перед нашими глазами отчетливо предстает решающая проблема жизни, заключающаяся в том, чтобы замечать *знаменательное присутствие* – «людей, которые являются присутствием»¹⁸, как говорил отец Джуссани, то есть тех, кто, не боясь собственной человечности, помогает и другим смотреть на их человечность, ни от чего не отмахиваясь.

¹⁶ Perché lo chiedi a me? // *Tracce*. N. 8. 2021. P. 30.

¹⁷ L. Giussani. *L'io rinasce in un incontro (1986–1987)*. P. 362.

¹⁸ L. Giussani, G. Testori. *Il senso della nascita*. Milano: Bur, 2013. P. 116.

Вот обновленный смысл того, что значит свидетельствовать о вере на «периферии существования», к чему часто призывает папа.

Встреча с такими людьми не подавляет, не гасит вопросы. Наоборот. Как мы видели, они прорываются с еще большей силой: «Кто они? Как у них получается быть такими, откуда у них способность слушать меня, принимать меня?» Подруга, написавшая письмо, не отступает и продолжает спрашивать себя: «Почему кураторы решили подготовить такую выставку? У меня нет ответа, ведь ответ – это они. Я знаю, что, посетив выставку, я встретила друзей, поскольку замечаю, как совершаю подлинно человеческие поступки: я вижу, как они совершают их, и желаю того же для себя». С этого начинается дружба. Друг – это тот, кто делает для нас возможными подлинно человеческие поступки по отношению к самим себе. Именно так мы распознаем друзей, в которых нуждаемся. И так мы видим, как вновь распахивается взгляд самарянки перед Тем, Кто принимает всерьез ее жажду.

В этом смысле меня весьма поразили слова папы Франциска, который, обратившись к епископам Словакии, призвал Церковь не отделяться от мира, глядя на жизнь издалека, а погружаться в реальную жизнь, задаваясь вопросами о глубоких нуждах людей¹⁹.

Поражает инаковость взгляда: взгляда, одновременно обнимающего и обнаруживающего глубинную ткань нашей человечности, нашу истинную нужду, нашу жажду. Наша подруга наверняка встречалась со множеством людей, но не все смогли обнять ее нуждающуюся человечность. Это происходит в конкретном контексте, в данных нам обстоятельствах. Именно здесь, именно сейчас, в атмосфере распада человечности, мы удивляемся подобному присутствию, людям, которые являются присутствием. И это вовсе не самоочевидно. Таким образом мы еще лучше понимаем решающее значение вопроса Тэйлора.

Все в той же Братиславе папа советовал быть свободными и креативными перед лицом людей, которые больше не верят и утратили чувство веры. Как? Стараясь не «жаловаться, [не] укрываться в окопах обороняющегося католицизма, [не] осуждать и [не] обвинять плохой мир», а стремясь «открывать брешь», замечать трещину во всякой вещи, выражаясь словами Леонарда Коэна, искать «новые пути, способы и язык, чтобы возвещать Евангелие»²⁰.

3. Путь самосознания

Как объяснить место, где человек чувствует себя обнятым настолько, что в состоянии смотреть на собственные раны и на «тьму без конца» с желанием не осуждать своих родителей, а простить их и простить себя, не позволить своим ошибкам себя определять? Мы прочитали об этом раньше: наша подруга увидела, как возродилась, после посещения выставки. Но выставка, разумеется, не упала свыше, словно метеорит, не была громом среди ясного неба. Все, кто работал над ней, живут погруженными в определенный опыт веры, стоящий за подобными вещами. Взгляд, который отразился в выставке, человечность, о которой свидетельствовали кураторы и которую уловила женщина, написавшая письмо, не являются результатом стратегий или

¹⁹ «Прекрасна смиренная Церковь, не отделяющая себя от мира и не смотрящая на жизнь издалека, а обитающая внутри нее. Обитать внутри – не будем забывать об этом: разделять, идти вместе, встречать вопросы и ожидания людей. Это помогает нам выйти из самореференции. <...> Погрузимся же в реальную жизнь, в реальную жизнь людей и задумаемся: каковы нужды и духовные ожидания нашего народа?» (Франциск. *Речь во время встречи с епископами, священниками, монахами, семинаристами и катехизаторами*. Братислава, 13 сентября 2021 г.)

²⁰ «У нас за плечами богатая христианская традиция, но сегодня для жизни многих людей она остается воспоминанием о прошлом, которое больше ни о чем им не говорит и не направляет их жизненный выбор. Перед лицом утраты чувства Бога и радости веры бесполезно жаловаться, укрываться в окопах обороняющегося католицизма, осуждать и обвинять плохой мир. Нет, тут необходима евангельская креативность. ...перед поколением, которое не верит, которое потеряло чувство веры или свело веру к привычке или к более-менее приемлемой культуре, попробуем открыть брешь и будем креативными! Свобода, креативность... Как замечательно, когда мы умеем искать новые пути, способы и язык, чтобы возвещать Евангелие!» (Там же).

художественной изобретательности; это плод встречи с реальностью Церкви, оживленной харизмой и настолько притянувшей каждого из создателей выставки, что они вовлеклись в человеческий путь, породивший в них новое «я». Именно эта встреча сформировала инаковость их взгляда и позволила им приблизиться к посетителям, чтобы разделить с ними результат их человеческого пути.

Чем яснее мы осознаем, каким образом Христос исторически достигает нас в Церкви, какова ценность компании, возникающей при этом, чем больше мы следуем, разумно и с любовью, за встреченным событием, держась благодати харизмы и позволяя ей порождать нас, тем содержательней наше «я».

Послушаем, как один из вас рассказывает о пути, проделанном в эти годы. «Когда мне было шестнадцать-восемнадцать лет, я считал себя самым невезучим человеком на свете из-за всех желаний и потребностей, кипевших в моем сердце. Встреча с Движением позволила мне дышать, поскольку впервые на мое беспокойство смотрели с симпатией, как на ресурс, а не как на проклятие. Я присоединился к Движению благодаря единственному в своем роде соответствию моему мятущемуся сердцу. Должен, однако, признаться, что спустя десять лет насыщенной и прекрасной жизни оставались еще в моей человечности и в моей истории некоторые неразрешенные вопросы. Тогда вновь закралось и давнее подозрение: я страннее других. Почему я это рассказываю? Потому что харизма расцвела во мне, когда я решил (под давлением жизненных обстоятельств) принять всерьез всю мою человечность – почву, на которой цветет харизма. С того момента харизма сделала для меня подлинной, стала новизной для всех тех, кто предъявлял вере точно такие же возражения, что обуревали раньше и меня. С того момента я стал воспитателем. Воспитание ребят из CLU было для меня ценной возможностью проживать ответственность за встреченную харизму. С самого начала я понял, что должен жить перед ними. Как говорил отец Джуссани: не добиваться чего-то от них, а жить перед ними²¹. Я вовлекался в их жизнь, отталкиваясь от моей жизни и от моей нуждающейся человечности. В этом смысле я понимаю, насколько важно жить моей нуждающейся человечностью с самого утра, сознавать истинную природу моей нужды. Тогда харизма оживает во мне по мере того, как я проверяю ее неразрывную связь с моей нуждой. В то же время меня поражает человечность ребят, их вопросы, никогда не банальные. Меня первого изумляет их изумление от того, насколько им соответствует событие присутствующего Христа. Перед ними я не эксперт по харизме и не командующий. Я на собственном опыте убедился, что в первую очередь я сам заинтересован в том, чтобы помогать ребятам совершать личную проверку, не давая им ответы, а побуждая к личному пути. Сколько невероятных вещей я упустил бы из виду, если бы избавил их от той или иной драмы, от шага к личному открытию! В эти годы я с удивлением наблюдал, как рождается „я“ некоторых ребят, благодаря встрече их человечности с харизмой отца Джуссани. Это «я», обновляющие харизму и в то же время начинающие порождать других людей (я думаю о старшеклассниках, которые встретили этих ребят в школе как преподавателей), и они в свою очередь сейчас обновляют CLU. Уверяю вас, никому не удастся провести этих ребят, потому что харизма стала частью их опыта». Когда человек начинает говорить «я», он с удивлением замечает, как расцветают и другие «я».

Каков итог пути, отправная точка которого – встреча с реальностью Движения? Его плод – интенсивность христианского самосознания, и она может выражаться во взгляде, в выставке, в работе или в опыте любви, поскольку «сила личности заключается в интенсивности ее самосознания»²². Поэтому, сталкиваясь с тем, кто обладает ясным и интенсивным самосознанием, человек не может не испытать потрясение.

Каким образом каждый из нас может достичь такого самосознания, сделать его своим, как желает наша подруга, посетившая выставку? Кто лучше ответит на этот вопрос, чем сам отец Джуссани? Послушаем, что он

²¹ L. Giussani. *L'io rinasce in un incontro (1986–1987)*. P. 366.

²² L. Giussani. *Il senso di Dio e l'uomo moderno*. Milano: Bur, 2010. P. 132.

говорил на духовных упражнениях CLU в 1976 году, обращаясь к студентам, а значит, и к тем, кто, возможно, пришел впервые. Кажется, он думал про сегодняшний день, настолько его слова касаются момента, который мы переживаем. Я предлагаю вам это аудио, поскольку, услышав его несколько месяцев назад, я постоянно возвращался к нему и не переслушивал. Я хотел лишь одного: чтобы его слова стали моими. Думаю, я не мог бы преподнести вам лучший подарок в начале этого года, в который мы будем праздновать столетие со дня рождения отца Джуссани. Послушаем некоторые отрывки из его выступления.

**Из выступления Луиджи Джуссани
на духовных упражнениях студентов
из «Общениа и освобождения» (Рива-дель-Гарда, 5 декабря 1976 г.)**

*Расшифровка аудиозаписи, воспроизведенной во время Дня начала года 25 сентября
2021 г. и хранящейся в архиве Братства «Общениа и освобождения»*

Под редакцией Хулиана Каррона

Луиджи Джуссани

Вот что связывает нас с истиной вещей на глубинном уровне! Потому что на кону непосредственно и в первую очередь не гладкое развитие общества, не возможность более человеческого сосуществования, не сотрудничество ради изменения в сторону правильного хода вещей, не избавление от гнета власти, от лжи, облеченной насилием. Не это. Ведь если бы речь шла напрямую об этом, мы могли бы придумать новую партию! А у нашего Движения непосредственная и первая цель другая: ставить на кон нас самих, нашу личность...

Простите, с человеческой точки зрения, нет ничего более потрясающего и истинного, ничего более по-человечески очевидного, но и более потрясающего, чем фраза Христа: «Какая польза... [какая польза, если ты воплотишь в жизнь все, что приходит тебе в голову] если ты получишь весь мир, – говорит Он, – но упустишь из виду свой собственный смысл?»²³ Ты потеряешь душу. «Или какой выкуп даст человек за себя самого?» Утверждение идеологии? Диалектическую позицию в обществе, ярость, выплескиваемую с помощью кулаков или коктейлей Молотова, телесное насилие, накопление часов и дней в комфорте или то любопытствующее познание, которое, когда оно разумно, неизбежно превращается либо в досаду, либо в острую боль от все более очевидной несоразмерности инструмента и цели, собственного ума и загадки реальности? «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, но себя потеряет? Или какой выкуп даст человек за самого себя?»

Вот первое слово. Мы впервые произнесли его четыре года назад, и с тех пор оно превратилось в привычный для нас термин: «самосознание». Термин не слишком поэтический, но точный. Сознание о себе, чувство собственной нередуцируемости. «Какой выкуп даст человек?» Чувство собственной нередуцируемости! Потому что нет [ничего другого]... что очевиднее, что очевиднее этого, когда мы произносим слово «я» с малейшей нежностью и вниманием? Что очевиднее, чем то, что, произнося это «я», человек утверждает, чувствует, как утверждает нередуцируемую реальность? Не существует ничего другого, что могло бы назваться этим словом во всей истории, вчерашней, сегодняшней и завтрашней, в вечности...

Смотрите, новизна жизни пропорциональна созреванию такого сознания о самих себе, такого самоощущения, такого взгляда на себя и такого познания самих себя. Но понимаем ли мы, что человек, то откуда берутся, откуда проистекают, откуда черпают свое содержание, откуда получают облик все вещи, все отношения, а значит, все действия, все движения, – это «я»? «Я»!

Существует закон, закон, который вы должны отметить для себя, закон этого самосознания, жизни этого самосознания, этого «я», этой личности, какой я являюсь. И это «я» бесценно. Об этом говорил Паскаль: «Кто такой человек? Невидимая точка в безмерности пространства. Но если вся Вселенная, если весь мир обру-

²³ Ср. Мф. 16:2–27.

шится на меня... на эту эфемерную точку посреди кажущейся непоколебимости всего вокруг, если он обрушится на меня, чтобы меня раздавить, я все равно выше него, ведь я понимаю, что происходит»²⁴. Понимаю, есть во мне что-то, что вырывается из хватки этого безграничного катаклизма и определяет его, постигает его изнутри, понимает его. Не существует никакого выкупа за эту мою личность...

Я сказал вам, что есть закон. Сформулирую его: мы признаем и любим собственную личность, любя «другого», признавая и любя «другого» в кавычках. Именно от признания другого и любви к нему начинается, возникает способность к привязанности...

Мы любим, признаем и любим другого, мужчина признает и любит женщину по-настоящему, только когда в этом отражается энергия признания и любви к самому себе. То же говорится и в Евангелии: «Возлюби ближнего твоего как самого себя»²⁵. Ключевой критерий любви к другому – моя любовь к самому себе.

Мы – сколько раз мы это повторяли – не любим других, потому что не любим самих себя.

Мы не способны любить, быть друзьями, если не признаем, что нас возлюбили или что нас любят отец и мать. Те, кто изучает психологию, прекрасно это знают. С психологической точки зрения тому есть подтверждение. Ясное ощущение, что ты любим, желаем, что тебя пожелали и полюбили, что тебя любят... – основа психического здоровья. Всем это известно. Но никто не задумывается о структуре заключенного здесь закона...

Если всё: мать и отец, женщина и мужчина – не познается с восхищением и восторгом в созерцании, которое начинается отсюда, именно с этого открытия, [если] мы не понимаем, что они указывают на самобытную структуру нашего существа, на То, что позволяет нам быть – быть! – потому что сию минуту то, кем я являюсь, не я себе дарую... Быть желанным, существовать – значит быть желанным постоянно: желанным, а следовательно, любимым или, прибегая к метафоре школы общины, в каждое мгновение призываемым из небытия. Мое «я» зиждется на том, что Ты желаешь меня, о Боже..

Собственную идентичность любишь, любя Другого... Пусть даже никто на него не обращает внимание, но тот, кто это сознает, – человек свободный, уравновешенный, возможно смотрящий на реальность с болью во взгляде, но нет ничего более здорового, чем эта боль, в точности как и Воскресение, как слава, если выражаться библейским языком, ведь слава, или Воскресение, жизнь пролегает через крест, через страдание...

«У меня есть, – говорил Д'Аннунцио, – то, что я даровал»²⁶. Нет большего заблуждения, а значит и более надменной лжи. «Моя основательность – в том, что я даровал», – такое определение не пристало человеку, творению. У меня есть лишь то, что я даровал: одним словом, основательность превозносится как реактивность, как насилие, как реактивность и насилие.

У меня есть то, что я был дан! Вот верная фраза. У меня есть, я есть, я состою из того, я обладаю тем, что я был дарован! Признание этого является самосознанием, из которого проистекает привязанность к себе, к собственной жизни, к другому, к жизни другого, из которого проистекает человеческое, человечность...

Чем я сознательней, а значит, чем в большей степени я личность, тем больше, когда я иду, глядя вокруг, разговаривая с людьми, во мне просвечивает сознание о том, что я создан, об этом образующем меня Присутствии, об этом «Ты» с большой буквы, образующем меня, и молитва становится нормальным измерением жизни...

Вот пропасть, которую возраст разверз в моей душе, хотя она разверзалась со времен лица, потому что эти вещи я слышал, будучи еще лицеистом... Вот сила свободы и вот сила созидательности, вот сила любви, сила привязанности! Понимаете? Вот человечность в момент своего зарождения: матрица, утроба, из которой возникает человечность...

²⁴ Ср. Б. Паскаль. *Мысли*. № 200 (347). М.: АСТ, 2019. С. 184.

²⁵ Ср. *Мф.* 22:34–40.

²⁶ Фраза, высеченная на входе на Виллу Витториале в Гардоне-Ривьера, где похоронен писатель.

Это глубокое неведомое, эта Загадка с большой буквы, этот неопиcуемый Бог, о Котором нельзя сказать, это «Ты» без глаз, носа и рта, эта живая Тайна, которая дает содержание моему «я», стала Человеком, говорившим: «Отец», – говорившим: «Мама», – говорившим: «Жено, не плачь», – говорившим: «Не хотите ли и вы отойти?» – говорившим: «Лицемеры!» – говорившим: «Придите ко Мне все непонимающие, запутавшиеся и уставшие», – говорившим: «Молю Тебя, Отче, дай силы, чтобы быть одним целым», – говорившим: «Я называю вас уже не рабами, но друзьями», – говорившим: «Лишь один у вас учитель – Я. Все вы братья. Вы называете Меня Учителем, и правильно, ибо так оно и есть», – говорившим: «Кто из вас без греха, пусть первым бросит камень», – сказавшим: «Если Я что сделал, если Я сказал худо, покажи, что худо, а если хорошо, что ты бьешь Меня?» – сказавшим: «Отче, почему Ты Меня оставил?» – и возопившим: «Совершилось», – поскольку прежде он сказал великое, «великое», великое слово человека – Авраама: «Отче, не Моя, но Твоя воля да будет»²⁷. Природа бытия есть Ты. Моя крепость не в моем человеческом воображении, движущемся наугад, не в мимолетных проявлениях моей жажды жизни, она в истинном источнике моей жизни, меня, который есть Ты, в моей славе, которая есть Ты.

Такое самосознание, следовательно, – это сознание о Его присутствии. Сознание о Его присутствии среди нас! Самосознание имеет своим конечным, глубинным содержанием восприятие, восхищенное, созерцательное, изумленное открытие Другого, Который образует меня изнутри, и этот Другой стал одним – одним! – из нас! Он стал Тем, Кому можно сказать «Ты», и у Него есть лицо, глаза, нос, рот! Тем, Кому можно было пожать руку, на Кого можно было опереться, на Чье плечо можно было положить, склонить голову....

Итак, конечное содержание самосознания есть творящая меня реальность – Бог, а критерий личного существования... – в этой религиозности, и эта глубина, это «Ты» с большой буквы, эта Загадка с большой буквы, стала одним из нас. «Бога никто не видел, Его явил нам Сын»²⁸. «Кто видит Меня, видит Отца»²⁹. Один из нас! «Все творите в Мое воспоминание»³⁰. Память: признание этого Присутствия, самосознание в настоящий момент, мое самосознание человека, призванного к этой встрече, человека-христианина...

«Мы тоже не понимаем ничего из того, что Ты говоришь, но, если уйдем от Тебя, куда нам идти? Только у Тебя слова, дающие жизнь»³¹. Что означала новая жизнь две тысячи лет назад (мы сказали, что самосознание представляет собой новизну жизни; человек ощущает новую жизнь в той мере, в какой сознает сам себя)? Быть в Его присутствии! Две тысячи лет назад новая жизнь заключалась в том, чтобы быть в Его присутствии. [Какое] чувство свободы, содержательности собственного «я»! «Да, Он говорит со властью», придающей мне содержательности! Пребывание в Его присутствии. Не случайно книжники и фарисеи и все, кто, приходил из любопытства, или из интереса, или чтобы увидеть чудеса и уйти восвояси, не имели этой новой жизни за исключением кратких моментов, когда они стояли с распахнутыми глазами и слушали, как Он говорил, видели, как Он творил чудеса!

Две тысячи лет назад новая жизнь заключалась в том, чтобы быть в Его присутствии, наступала благодаря пребыванию в Его присутствии как переворот, как обновление себя: рождалось «я»! Рождалось «я» с его очевидным, прозрачным содержанием, с его живой силой, с его жаждой и способностью любить, с его человечностью; одним словом, внутри людей рождалась человечность. Третья глава Евангелия от Иоанна, Христос Никодиму: «Нужно заново родиться... Истинно говорю тебе: нужно заново родиться». Если хочешь понять реальность, если хочешь войти в реальность, нужно заново родиться. Заново рождались так.

²⁷ Ср. *Мф.* 26:42; *Лк.* 22:42.

²⁸ Ср. *Ин.* 1:18.

²⁹ Ср. *Ин.* 12:45.

³⁰ Ср. *Лк.* 22:19.

³¹ Ср. *Ин.* 6:68.

Короче, ребята, самосознание есть вера... Вера есть признание Его присутствия... Вот что такое вера. И это самосознание, сознание о самом себе. Чем больше я буду воскрешать в мое время, в течение моего дня сознание об этом Присутствии – во все делах... чем чаще я буду возвращаться к сознанию о Твоем присутствии, о Христе, тем сильнее моя личность, тем глубже нежность к самому себе, Твое милосердие ко мне, тем созидательнее отношение с другим! Перечитайте Послание к колоссянам, первую главу, стихи с первого по двадцать третий, где говорится о «познании Бога». Друзья мои, первостепенная проблема нашего Движения... первостепенная проблема не в том, чтобы организовать общину, а в продолжении благовестия. Дружба между мной и тобой не дружба, если она не напоминает тебе это прежде и превыше всего остального...

Уловим, четко зафиксируем мгновение и феномен, в рамках которых самосознание начинает действовать, то есть человек начинает действовать, наша личность приходит в движение. Первый, первый миг, самый первый феномен... инициатива, единственная инициатива – это желание помнить. Когда мы встаем по утрам, ребята, когда мы встаем по утрам, чего мы желаем? Нам нужно потрудиться (чистая правда), чтобы пробиться сквозь нагромождение желаний, инстинктивно возникающих в нашем мозгу, в нашем сознании, в нашей душе, мы должны противостоять им и преодолевать это нагромождение, чтобы идти до сути всего, до желания помнить о Нем! В этом и состоит утренняя молитва...

Если все не достигает этого последнего предела, на котором хрупкий и нагой человек, убогий, убогое существо, каким являешься ты, каким являюсь я, стоит и ждет того, что его спасет, приведет к свершению, к осуществлению, того, что утолит его голод и жажду, что сделает его хозяином самого себя и мира (ибо с такой целью мы и родились по подобию Того, в Ком наша крепость) – если все не достигает этого первого предела, то все напрасно...

И потому смысл в том, чтобы поставить на службу этого неустранимого исторического Присутствия, вечности, ставшей историей, поставить на службу этого Присутствия все мгновения со всем их содержанием. Я сейчас не отрываю вас от ваших привязанностей, от ваших интересов и от ваших человеческих удовольствий, я веду вас к тому, пытаюсь вести вас к тому корню всего, благодаря которому привязанность, интересы и удовольствия расцветают в невысказанной славе и становятся постоянными, становятся истинными... Созревание такой инициативы, способность предпринимать такую инициативу вызревает в рамках истории... Не будем останавливать, не будем останавливать эту инициативу даже из-за предательства, а самое подлое предательство – забывчивость, и из-за привычной нам рассеянности, из-за разочарования, как когда мы понимаем, что не справились. Разочарование, возникающее, когда мы понимаем, что не справились, – силки, из которых нужно вырваться. Не позволим этому разочарованию охватить нас! Знаете, почему мы не справились? Знаете, почему мы ошиблись? Знаете, почему мы были рассеяны? Знаете, почему мы подло, подло забыли? Знаете, почему мы вчера предали сто раз, тысячу раз? Знаете почему? Бог допустил это, чтобы сегодня, сейчас ты использовал эту катастрофу как инструмент, помогающий вспомнить о Нем... Сколько раз? Миллион раз? Миллион миллионов раз. Всегда...

Этому пути учишься, идя по нему! Зрелость наступает, когда действуешь. Но как действовать, если не знаешь пути? Вот почему норма, основополагающее правило этой истории, этого пути одно: следование, следовать, следовать! Следовать за тем, кто уже знает путь, как бы он по нему ни шел. Потому что учитель дает тебе указания с уверенностью, убедительно, наглядно.

Проект твоей зрелости не может исходить от тебя... В жизни важно распознать учителя! Учителя мы не выбираем, мы его признаем! Выбрать учителя – значит пойти на поводу у засилья собственных мыслей и собственных причуд, о чем вы прочитаете во Втором послании к Тимофею, глава четвертая, стихи третий и пятый.

Мы называем это авторитетом, согласен, но, ради всего святого, искорените богохульное понятие об авторитете, как вы себе его представляете! Потому что это самый настоящий труп, мумия! Авторитет в вашем представлении – ископаемое! Это дикая схема, которая приводит меня в ярость, в гнев, когда я с ней сталкиваюсь. Потому что речь вовсе не о том, чтобы уподобиться определенному человеку, а чтобы уподобиться человеку как ценности, уподобиться ценностям человека. Этот человек может быть куда паршивее тебя, может больше тебя стремиться к собственничеству, может быть недалекого ума, но, если ты признал в нем учителя, то признал в силу ценностей, которые сквозили в нем. В силу ценностей! А что такое ценности? Все то, что помогает тебе понять и приучает соизмерять мгновение с судьбой. Мгновение со всем его содержанием, отношение с твоей девушкой, или с отцом и матерью, или с преподавателем, с политиком или с общиной, которая тебя тяготит, потому что не ходит перед тобой на задних лапках.

Я хрупок, друзья мои (и я заканчиваю), я хрупок, потому что живу только таким следованием. Я тот, кто я есть, благодаря следованию, которым я живу. Следованию, проходящему через приметы в людях, через человеческие приметы, приметы, свойственные людям, которых Бог позволил нам встретить, и со временем, хотя мы продолжаем следовать за теми же людьми, со временем становится все очевиднее и непосредственно заметнее Христос, единственный Учитель: «Один у вас Учитель»!³²

Я хрупок, потому что живу этим следованием, следованием за некоторыми людьми, за общиной или за Движением, которое кто-то ведет и в котором живо следование за Христом. Именно следование за Христом – единственная причина всего. Следовать за Христом – единственная цель, к которой нужно стремиться. У меня больше нет моей крепости, у меня больше нет уверенности, выстроенной мной, как велит хюбрис, как велит собственная буйная надменность.

И тогда жизнь направляется к свету, и к уверенности, и к привязанности, которые я не творю моими размышлениями, которые я не творю усилием моей воли, а обнаруживаю в себе. К уверенности и нежности, к уверенности и привязанности, которые я обнаруживаю в себе, следуя.

Каррон

Вот что охватило нас изнутри, спасло нас от участи многих других людей: пыл жизни, воодушевивший нас способ понимать, переживать и предлагать христианство, благодаря которому вера предстала нам в ее разумности и убедительности как путь к изменению самих себя. Христос избрал харизму, чтобы установить важное отношение с нами, чтобы привлечь нас, чтобы сделать ощутимой в жизненном опыте нашу принадлежность к Нему в Церкви Божией: не в другом мире, а в этом мире, таком, какой он есть, со всеми пронизывающими его вызовами и напряженностью, «в эпоху неуверенности», когда мы плывем по беспокойным водам нашего времени. «Харизма и представляет собой тот тип времени, пространства, характера, темперамента, тот психологический, эмоциональный, интеллектуальный тип, в котором Господь становится событием для меня, и таким же способом – для других»³³.

Этот особый дар действительно готовит нас к целостности. «Харизма существует ради создания народа свершившегося, то есть всеобъемлющего и вселенского»³⁴.

Вернемся еще раз к вопросу Тэйлора. Мы не были сметены силой потока, увлекавшего в противоположном направлении; вместо этого мы были «охвачены», привлечены, достигнуты присутствием Христа, вышедшего нам навстречу таким образом, в таком облике, в такой «форме наставления, которой мы вверены»³⁵, какой

³² Ср. *Мф.* 23:10.

³³ Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить след в истории мира*. С. 130.

³⁴ Там же. С. 132.

³⁵ J. Ratzinger. Dall'intervento di presentazione del Catechismo della Chiesa Cattolica // *L'Osservatore Romano*. 20 gennaio 1993. P. 5.

является для нас харизма, дарованная отцу Джуссани, как для других – другие харизмы в Церкви. И в нас – во многих взрослых и, что все менее самоочевидно, во многих молодых людях – расцвело «сознание о Его присутствии», вера, и мы начали испытывать новизну жизни – «пребывание в Его присутствии», полноту, о которой мы и мечтать не могли. Насколько же верно, что «Церковь возрастает благодаря не прозелитизму, а „привлекательности“»³⁶, о чем постоянно повторяет папа!

Какая благодать! Действительно, Христос привлек и по сей день продолжает привлекать нас через облик, через тон, через убедительность харизмы, и это не было и не является нашей инициативой, это инициатива Духа Святого, это благодать. Благодать – дар харизмы, благодать и то, что она продолжается. Благодать, обращенная к каждому из нас, подразумевающая, стимулирующая ответственность каждого из нас, настаивающая на ней.

Мы только что услышали слова отца Джуссани: «В жизни важно распознать учителя! Учителя мы не выбираем, мы его признаем!» Но как его признать? Как признать его в момент, когда Церковь призывает нас сменить руководство согласно критериям, указанным в декрете Дикастерии по делам мирян, семьи и жизни, касающимся всех движений и объединений мирян и требующих предварительной корректировки устава?

Мы неоднократно повторяли, что «авторитет задается тем, что проживается, переживаемым опытом»³⁷. Обращаясь в 1980 году к группе священников, ответственных за некоторые общины Движения, Джуссани говорил: «Если я чего-то желаю, Бог позволяет мне этому учиться у тех, кто этим живет, кто уже этим живет». Вот неизменный метод: «Жизни учишься, следуя за тем, кто живет, и не потому, что он лучше тебя! Он может быть в миллиард раз хуже тебя! Но с точки зрения метода, отношения к жизни, поведения, практического подхода он подает пример. Следуют за примерами, а не за словами»³⁸.

Учитель, авторитет, говорил Джуссани в другой раз, «есть место, где связь между потребностями сердца и ответом, который дал Христос, прозрачнее, проще, спокойнее. ...авторитет есть бытие, а не источник речей. Речи – тоже составная часть этого бытия, но только как отражение. В общем, авторитет есть личность, глядя на которую, видишь, что слова Христа соответствуют сердцу. Именно это ведет народ»³⁹. Так что же нам нужно прежде всего, чтобы признать учителя? Понимание природы нашей подлинной нужды, ясное самосознание, как я писал в недавнем письме Братству. «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, но себя потеряет?» Нет другого критерия, потому что учитель, авторитет есть место, где мы яснее видим сияние того, в чем наша человечность нуждается, чтобы жить: благодати харизмы, притягательности, покорившей нас во встрече и коренным образом изменившей нашу жизнь, сделав познаваемым на опыте присутствие Христа, Его способность преображать каждую частицу нашего существа, вести к свершению.

Ранее мы слышали: «Зрелость наступает, когда действуешь. Но как действовать, если не знаешь пути? Вот почему норма, основополагающее правило этой истории, этого пути одно: следование, следовать...» Следуя за «людьми, которых Бог позволил нам встретить», которых Дух Господень ставит перед нами, чтобы сделать конкретной и проходимой дорогу к Нему, то есть «следуя за Движением, которое кто-то ведет и в котором живо следование за Христом», мы следуем за Христом, потому что «следование за Христом – единственная причина всего».

Лишь следуя, мы сможем «предложить нашим братьям-людям факт жизни». «Господь пришел, чтобы принести жизнь, а не организацию»⁴⁰. В одном тексте, который я часто цитировал, отец Джуссани говорил:

³⁶ Франциск. *Evangelii gaudium*, 14.

³⁷ L. Giussani. *Una presenza che cambia*. Milano: Bur, 2004. P. 364.

³⁸ A. Savorana. *Vita di don Giussani*. Milano: Bur, 2014. P. 571.

³⁹ Da una conversazione di Luigi Giussani con un gruppo di *Memores Domini* (Milano, 29 settembre 1991) // Chi è costui? Supplemento a *Tracce*. N. 9. 2019. P. 10.

⁴⁰ L. Giussani. *Il rischio educativo. Come creazione di personalità e di storia*. Torino: SEI, 1995. P. 61, 65.

«В обществе вроде нашего что-либо новое можно сотворить только с помощью жизни: никакие структуры, организации или инициативы для этого не годятся. Лишь жизнь, иная и новая, способна в корне изменить структуры, отношения, в общем, все»⁴¹.

Именно это мы хотим донести до всех, отмечая столетие со дня его рождения: значение Христа, жизни нашей жизни, достигшего нас и продолжающего притягивать к Себе, увлекать за Собой посредством самобытной формы харизмы, которая делает убедительными для сегодняшнего мира все стороны жизни Церкви.

Поэтому мы можем сказать: у нас нет недостатка ни в каком благодатном даре, чтобы встретить лицом к лицу новый этап нашего пути.

© Fraternità di Comunione e Liberazione

⁴¹ Movimento, "regola" di libertà / A cura di O. Grassi // *Litterae communionis* – CL. N. 11. 1978. P. 44.